

Граф
Калцостро,
или
Иозеф Гальзамо

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Перевод с французского
Елены Баевской, Ивана Русецкого, Леонида Цывьяна, Элеоноры Шрайбер

Руководитель проекта Александр Лютиков

Illustrations © František Horník-Lánský

Иллюстрации Франтишека Хорника

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-16756-8

© Е. В. Баевская, перевод, 1992
© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2020
© Л. М. Цывьян (наследник), перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

1. ГРОМ-ГОРА

На левом берегу Рейна, в нескольких лье от имперского города Вормса, неподалеку от истоков небольшой речушки Зельц, начинаются отроги горной цепи, чьи вздыбленные вершины тянутся на север и исчезают в тумане, словно стадо испуганных буйволов. Горы эти, господствующие над довольно безлюдной местностью и словно свита окружающие самую высокую из вершин, посят названия, каждое из которых указывает на форму горы или напоминает о каком-либо предании: одна зовется Королевским Троном, другая — Скалой Шиповников, эта — Соколиным Утесом, та — Хребтом Змеи. Самая могучая из них, что выше всех вздымает к небу свою увенчанную короной руин вершину, именуется Гром-гора.

Когда вечер сгущает тени от дубов, а последние лучи солнца, умирая, покрывают позолотой пики этой семьи гигантов, тогда с высоких небес на равнину медленно нисходит тишина, и невидимая, но могучая рука растягивает над горными склонами, а затем и над всем миром, утомленным от дневных трудов и шума, синий полог с мерцающими на нем звездами. На земле и в воздухе все мало-помалу погружается в дрему и сон. И лишь упомянутая нами речушка — Зельцбах, как зовут ее в этих местах, — одиноко бежит в тишине своим таинственным путем среди прибрежных пихт, и днем и ночью неся воды Рейну, своему вечному владыке; и так гладок песок ее ложка, так гибки ее тростники, так обильно покрыты мхом и камнеломкой ее скалы, что шума ее не слышно ни в Морсхайме, где она начинает свой бег, ни во Фрайвепхайме, где она впадает в Рейн.

Чуть выше ее истока, между Альбисхаймом и Кирхайм-Поландом, извилистая, в глубоких выбоинах дорога, проложенная между отвесными кручами, ведет к Даненфельсу. За Даненфельсом дорога превращается в тропинку, далее тропинка эта сужается и постепенно исчезает вовсе, так что взору предстает лишь необозримый склон Гром-горы, чья таинственная вершина, часто опаляемая огнем Господним, откуда и ее название, скрывается за частоколом зеленых деревьев, словно за непреодолимой стеной.

И верно: попав в эту чашу, густую, словно дубрава античной Додоны¹, путешественник может спокойно продолжать путь — его никто не увидит

---

¹ Додона — город в центре Эпира (Западная Греция) со священной дубовой рощей и оракулом Юпитера. — *Здесь и далее примеч. перев.*

с равнины даже средь бела дня; будь его конь увешан бубенцами на манер испанского мула, брэнчания их никто не услышит, и даже если на нем будет королевская бархатная попона с золотой вышивкой, ни один золотой или пурпурный отблеск не сверкнет сквозь листву — густой лес заглушает всякий шум и заставляет поблекнуть любые краски.

Даже сегодня, когда на самых высоких вершинах устроены смотровые площадки, а самые поэтичные и жуткие легенды вызывают у путешественников лишь недоверчивую улыбку, — даже сегодня эти места вселяют такой страх и почтение, что о присутствии там человека свидетельствуют только несколько убогих домишек, которые, словно часовые, охраняющие близлежащие деревни, стоят в отдалении от зачарованной стены леса. Живут в этих затерянных в глуши домах мельники, что охотно предоставляют реке молотить их зерно и возят муку в Рокенхаузен и Альцай, да пастухи, которые пасут в горах стада и вздрогнут порой вместе со своими собаками, когда вековая пихта, состарившись, с шумом обрушится в непроходимой чаще. Рассказы об этих местах ходят самые мрачные; наиболее отважные из местных жителей утверждают, будто тропинка, теряющаяся за Даненфельсом в горном вереске, далеко не всегда спасала честных христиан. А может быть, кое-кто из теперешних обитателей этих мест даже помнит рассказы отца или деда о том, что мы сейчас собираемся поведать читателю.

6 мая 1770 года, в тот час, когда на речной воде начинают играть розоватые отблески, а солнце, зайдя за шпиль Страсбургского собора, распадается на две пылающие полусферы, человек, приехавший со стороны Майнца через Альцай и Кирхайм-Поланд, миновал деревушку Даненфельс и двинулся дальше по едва заметной тропинке; когда же она пропала, он спешился, взял коня под уздцы и, недолго думая, привязал его к первой попавшейся пихте на опушке зловещего леса. Животное тревожно заржало, и лес, казалось, вздрогнул от этого непривычного звука.

— Ну, ну, успокойся, мой добрый Джерид, — проговорил путник. — Двенадцать лье позади; для тебя по крайней мере дорога окончена.

Путник попытался проникнуть взглядом вглубь леса, однако тени были уже настолько густы, что он разглядел лишь какие-то темные массы, которые вырисовывались на еще более темном, почти черном фоне. После этой бесплодной разведки путник повернулся к коню, чье арабское имя говорило одновременно о его породе и резвости, и, взяв его обеими руками за морду, наклонился к дымящимся ноздрям.

— Прощай, мой добрый конь, — быть может, мы больше не увидимся. Прощай! — прошептал он.

С этими словами путник быстро огляделся вокруг, словно опасался или, напротив, желал быть услышанным. Конь тряхнул шелковистой гривой, стукнул по земле копытом и заржал, как будто был в пустыне и почуял приближение льва. На этот раз путник, улыбнувшись, лишь кивнул головой, словно желая сказать: «Ты не ошибся, Джерид, опасность близка». Однако, решив, по-видимому, пока не обращать внимания на эту опасность, отважный незнакомец вытащил из седельных кобур пару красивых пистолетов с чекан-

кой на стволах и накладками из позолоченного серебра на рукоятках и с помощью шомпола разрядил их один за другим, вытащив пыжи и пули и высыпав порох на траву. Сделав это, он сунул пистолеты обратно в кобуры.

Но это было еще не все. На перевязи у путника висела шпага со стальным эфесом; сняв с себя ремень, он обмотал им шпагу, затем просунул ее под седло и прикрепил стремненным ремнем, так что кончик шпаги смотрел в сторону крупа, а эфес — в сторону холки коня. Завершив эти странные манипуляции, незнакомец отряхнул запыленные сапоги, снял перчатки и, порывшись в карманах, достал маленькие ножницы и перочинный нож с черепаховой ручкой, после чего, не глядя, бросил их на землю. Затем он в последний раз погладил Джерида по крупу, вздохнул полной грудью, безуспешно поискал глазами тропинку и, не найдя таковой, наугад вошел в лес.

А теперь, кажется, настала пора познакомить читателя поближе с путником, который только что появился перед нами, тем более что ему суждено сыграть в нашей истории немаловажную роль. Человеку, сошедшему с коня и столь отважно вступившему в лес, на вид было лет тридцать с небольшим; будучи выше среднего роста, он отличался на редкость пропорциональным сложением, его гибкое, мускулистое тело дышало силой и ловкостью. Одет он был в нечто вроде дорожного редингота из черного бархата с золотыми петлицами, из-под последней пуговицы редингота выглядывали полы вышитого камзола, лосины в обтяжку обрисовывали ноги, которые могли служить моделью скульптору — под лакированными сапогами угадывалась их изящная форма.

Его подвижное лицо южного типа выражало необычное сочетание изящества и силы; взгляд путника, способный передать любые чувства, пронзал, словно лучами, того, на кого был направлен, и озарял самую душу собеседника. Его смуглые щеки — это прежде всего бросалось в глаза — покрывал загар, приобретенный под солнцем куда более жарким, чем наше. И наконец, большой, но хорошо очерченный рот являл два ряда великолепных зубов, которые из-за смуглого лица казались еще белее. Ступни у путника были длинные и узкие, ладони — маленькие и сильные.

Не успел описанный нами герой и на десяток шагов углубиться под черные пихты, как со стороны опушки, где он оставил коня, раздался быстрый топот. Первым и вполне естественным движением путника было повернуть назад, но он сдержался. Однако, поддавшись желанию узнать, что стало с Джеридом, он поднялся на цыпочки и устремил взгляд в просвет между листьями, но чья-то невидимая рука тем временем отвязала поводья, и конь пропал. Незнакомец чуть сморщил лоб, и легкая улыбка тронула его округлые щеки и четко очерченные губы.

После этого он снова двинулся вглубь леса. В течение нескольких минут путник выбирал дорогу при сумеречном свете, пробивавшемся сквозь деревья, но, когда померк и он, наш герой оказался в настолько густом мраке, что, не видя, куда ступить, и боясь заблудиться, он остановился.

— Из Майнца я попал в Даненфельс, так как там есть дорога, — вслух проговорил он. — От Даненфельса я доехал до Черных Вересков, так как там есть тропинка. От Черных Вересков я добрался досюда, так как хоть здесь и нет ни дороги, ни тропинки, но по крайней мере есть лес. Однако здесь придется остановиться — я больше ничего не вижу.

Не успели прозвучать эти сказанные на смеси французского с сицилийским наречием слова, как шагах в пятидесяти от путника внезапно вспыхнул огонек.

— Благодарю, — сказал он. — Огонек движется, я пойду за ним.

Огонек двигался плавно, как по ниточке, — так у нас в театрах движется фантастическое пламя, управляемое машинистом сцены и помощником режиссера. Пройдя еще шагов сто, путник почувствовал, что кто-то дышит ему в ухо. Он вздрогнул.

— Не оборачивайся или умрешь, — послышался голос справа.

— Ладно, — не моргнув глазом, ответил бесстрашный путник.

— Не разговаривай или умрешь, — послышался голос слева.

Путник молча поклонился.

— Но если ты боишься, — произнес третий голос, который, словно голос тени отца Гамлета, доносился, казалось, из-под земли, — если ты боишься, возвращайся на равнину. Это будет значить, что ты отказываешься, и тебе позволят вернуться туда, откуда ты явился.

Путник лишь махнул рукой и продолжал путь. Ночь была так темна, а лес так густ, что, несмотря на путеводный огонек, путник постоянно спотыкался. Около часа двигался огонек, и путник следовал за ним — без единого звука, без единого жеста, который выдал бы его страх.

И вдруг огонек исчез. Лес кончился. Путник поднял глаза: на темно-синем небе сияло несколько звезд. Он продолжал идти в ту сторону, где в последний раз видел огонек, и вскоре перед ним выросли развалины, скорее даже призрак замка. Под ногами путник почувствовал обломки камней, и тут же что-то холодное коснулось его висков и плотно закрыло ему глаза. Теперь он не видел даже почного мрака. Голову его стягивала повязка из куска мокрой ткани. По-видимому, так было надо, а может быть, путник ожидал чего-либо подобного, потому что даже не попытался освободиться от повязки. Он лишь молча вытянул вперед руку, словно слепец, которому нужен поводырь. Жест этот был понят, так как через миг холодная, сухая и костлявая рука вцепилась в пальцы путника. Тому сразу почудилось, что рука эта принадлежит скелету, однако если она была наделена чувствительностью, то, несомненно, ощутила, что рука путника не дрожит. Ведомый этой рукою, он прошел около ста туазов¹. Внезапно рука разжалась, повязка упала у него со лба, и незнакомец остановился: он был на вершине Гром-горы.

2. ТОТ, КТО ЕСТЬ

Посредине поляны, окруженной польсевшими от старости березами, высился первый этаж полуразрушенного замка из тех, что в таком изобилии строили феодальные сеньоры, вернувшиеся из крестовых походов. Иззубренные края обвалившихся стрельчатых сводов портала вырисовывались на фоне бледного неба; в каждой нише вместо статуи — все они, изуродованные, валялись под стеной — лежали охапки вереска или лесных цветов.

Открыв глаза, путник увидел, что стоит перед влажными, замшелыми ступенями главного входа; на первой ступени высился призрак с костлявой рукою, приведший его сюда. Длинный саван окутывал его с головы до ног, пустые глазницы сверкали; бесплотную руку он протягивал внутрь развалин, словно указывая путнику, что конец его пути в зале, располагавшемся несколько выше уровня земли, так что видны были лишь его обрушившиеся своды с мерцавшим под ними тусклым таинственным огнем.

Путник в знак согласия склонил голову. Медленно и бесшумно поднимаясь по ступеням, призрак углубился в руины; подражая его походке, путник так же спокойно и торжественно в свою очередь поднялся наверх и вошел. Позади него, словно сделанная из меди, загудела захлопнувшаяся дверь. У входа в просторный круглый зал, обтянутый черным и освещенный тремя зеленоватыми лампами, призрак остановился. Путник замер на месте шагах в десяти от него.

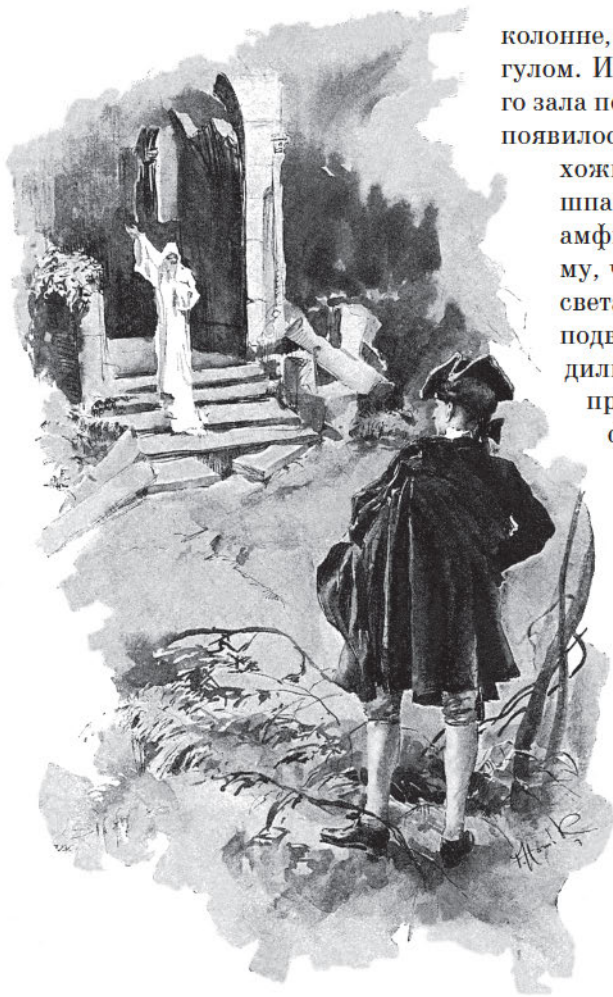
— Открой глаза, — приказал призрак.

— Я все вижу, — отвечал незнакомец.

Тогда призрак быстрым и вместе с тем величественным жестом достал из складок своего савана обоюдоострую шпагу и ударил ею по бронзовой

---

¹ Туаз — старинная французская мера длины, равная 1,95 м.

колонне, ответившей металлическим гулом. И сразу же по окружности всего зала поднялись плиты пола, и оттуда появилось множество призраков, похожих на первого; держа в руках шпаги, они поднялись на скамьи амфитеатра, имевшего ту же форму, что и зал. С зеленоватыми отсветами на лицах, холодные и неподвижные, как камень, они походили на статуи на постаментах, причудливо вырисовываясь на фоне черной драпировки стен.

Перед нижней ступенью амфитеатра появились семь кресел, шесть из которых заняли призраки, по-видимому старшие по положению, седьмое кресло оставалось пустым. Призрак, сидевший посередине, встал и, повернувшись к собранию, спросил:

— Братья, сколько нас здесь?

— Триста, — в один голос ответили призраки; резко прогремевший звук тут же был заглушен траурной драпировкой.

— Триста, и каждый представляет десять тысяч наших приверженцев; триста шпаг, цена которым — три миллиона кинжалов, — продолжал председатель и, повернувшись к путнику, спросил: — Чего ты желаешь?

— Видеть свет, — ответил тот.

— Тропы, ведущие к огненной горе, трудны и тернисты. Ты не боишься отправиться в путь?

— Я ничего не боюсь.

— Стоит тебе сделать еще один шаг, и возврата назад не будет. Подумай об этом.

— Я не остановлюсь, пока не достигну цели.

— Готов ли ты поклясться?

— Говорите, я буду повторять.

Председатель поднял руку и медленно, торжественно заговорил:

— Именем Распятого Сына поклянитесь разорвать узы плоти, что связывают вас с отцом, матерью, братьями, сестрами, женой, родственниками,

друзьями, любовницами, королями, благодетелями и с любым другим существом, которому вы обязались верить, повиноваться или служить.

Твердым голосом путник повторил продиктованные ему слова. Так же медленно и торжественно председатель произнес вторую часть клятвы:

— С этого мига вы освобождаетесь от так называемой клятвы, данной вами родине и закону. Поклянитесь сообщать своему новому наставнику, которого скоро узнаете, обо всем, что видели или сделали, прочитали или услышали, узнали или отгадали, равно как и выведывать и выслеживать все, чего не видели своими глазами.

Председатель умолк, и неизвестный повторил услышанное.

— Чтите и уважайте *aqua toffana*¹, — не меняя тона, продолжал председатель, — как скорое, верное и необходимое средство для очистки мира посредством умерщвления или отупления тех, кто тщится унижить истину или вырвать ее из наших рук.

Даже эхо не смогло бы повторить эти слова точнее путника. Председатель заговорил снова:

— Избегайте Испании, избегайте Неаполя, избегайте всех проклятых стран, подавляйте в себе искушение утаить что-либо увиденное или услышанное, ибо молния не поразит вас с такой быстротой, с какой настигнет невидимый и неотвратимый кинжал, где бы вы ни находились. Живите во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Несмотря на явную угрозу, содержащуюся в последних фразах, незнакомец произнес их так же спокойно, как предыдущие; на лице его не отразилось ни тени волнения.

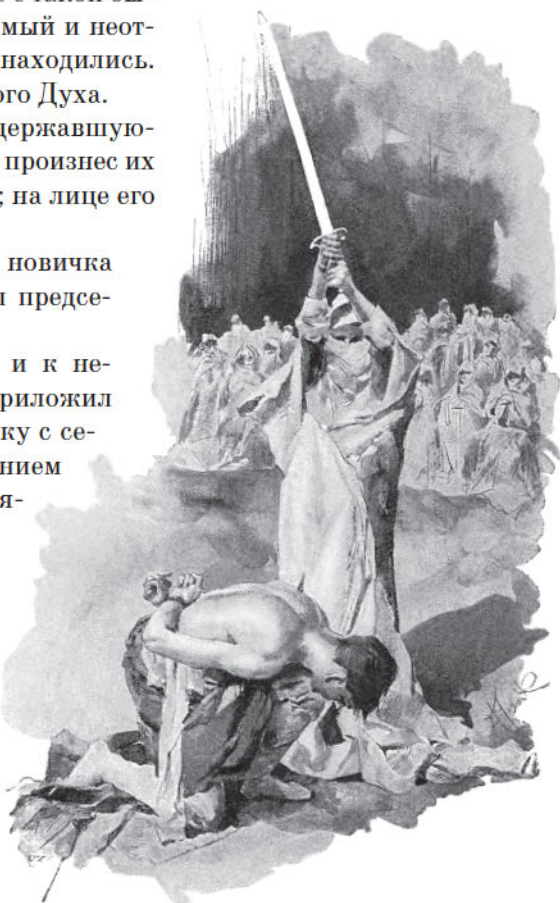
— А теперь обвяжите голову новичка священной повязкой, — приказал председатель.

Незнакомец наклонил голову, и к нему подошли два призрака: один приложил к его лбу светло-оранжевую повязку с серебристыми буквами и изображением Лореттской богородицы, другой завязал концы ткани на затылке. Сделав это, они отошли, оставив путника одного.

— Чего ты просишь? — спросил председатель.

— Три вещи, — ответил незнакомец.

¹ Вода Тофаны (*лат.*). Средневековый бесцветный и безвкусный смертельный яд, секрет которого ныне утерян.

- Какие же?
- Железную руку, огненный меч и алмазные весы.
- Зачем тебе железная рука?
- Чтобы душить тиранию.
- Зачем тебе огненный меч?
- Чтобы изгнать с земли все пороки.
- Зачем тебе алмазные весы?
- Чтобы взвешивать судьбы человечества.
- Готов ли ты к испытаниям?
- Сильный готов ко всему.
- Испытания! Испытания! — послышалось множество голосов.
- Повернись, — приказал председатель.

Неизвестный послушался и оказался лицом к лицу с бледным как смерть человеком, связанным по рукам и ногам и с кляпом во рту.

- Что ты видишь? — спросил председатель.
- Преступника или жертву.
- Это предатель, который поклялся так же, как ты, а потом выдал секрет- ты ордена.
- Значит, это преступник.
- Правильно. Какой кары он заслуживает?
- Смерти.
- Смерти, — повторили триста призраков.

В тот же миг приговоренного, несмотря на его отчаянное сопротивление, оттащили вглубь зала; путник видел, как тот бьется и извивается в руках палачей, и слышал его сипение, вырывавшееся из-под кляпа. В свете ламп словно молния сверкнул кинжал, послышался негромкий удар и глухой стук упавшего тела, отдавшийся так, что даже пол мрачно загудел.

— Правосудие свершилось, — проговорил незнакомец и повернулся к жуткому амфитеатру; сидевшие в нем алчными взорами наблюдали этот спектакль из-под своих саванов.

— Итак, ты одобряешь казнь, свидетелем которой был? — осведомился председатель.

- Да, если казненный был действительно виновен.
- И ты готов выпить за то, чтобы каждого, кто, как и он, выдаст секреты нашего священного сообщества, настигла смерть?
- Готов.
- Любой напиток?
- Любой.
- Принесите кубок, — приказал председатель.

Один из палачей подошел и протянул новичку человеческий череп на бронзовой ножке, наполненный красной тепловатой жидкостью. Незнакомец взял череп и, подняв его над головою, воскликнул:

— Я пью за то, чтобы каждого, кто выдаст секреты священного сообщества, настигла смерть!

Затем он поднес кубок к губам и, выпив до последней капли его содержимое, хладнокровно вернул кубок палачу. По амфитеатру пронесся шепот

удивления; призраки переглянулись.

— Прекрасно, — похвалил председатель. — Пистолет!

Один из призраков приблизился, держа в одной руке пистолет, в другой — свинцовую пулю и заряд пороха. Новичок не удостоил его даже взглядом.

— Ты обещаешь безоговорочно повиноваться священному обществу? — спросил председатель.

— Обещаю.

— Даже если это тебе повредит?

— Вступающий принадлежит не себе, но всем.

— Значит, ты выполнишь любой мой приказ?

— Выполню.

— В тот же миг?

— В тот же миг.

— Без колебаний?

— Без колебаний.

— Возьми и заряди пистолет.

Незнакомец взял пистолет, насыпал в ствол порох, забил пыж, затем опустил туда же пулю, прижал ее другим пыжом и взял пистолет на изготовку. Мрачные обитатели странного замка следили за ним в гробовом молчании, и только ветер завывал в полуразрушенных арках.

— Пистолет заряжен, — бесстрастно проговорил путник.

— Ты в этом уверен? — спросил председатель.

На губах у новичка промелькнула улыбка; он взял шомпол, направил пистолет стволом вверх и, засунув шомпол в дуло, дал ему опуститься. Шомпол остался торчать из ствола дюйма на два. Председатель в знак того, что он убежден, наклонил голову и сказал:

— Да, он действительно заряжен, и притом хорошо.

— Что я должен сделать? — спросил незнакомец.

— Взведи курок.

Незнакомец подчинился, и среди всеобщего молчания послышался щелчок собачки.

— Теперь приставь дуло ко лбу, — продолжал председатель.

Путник без колебаний повиновался. Молчание в зале стало еще глубже, лампы, казалось, потускнели, а собравшиеся стали еще больше походить на призраков; они затаили дыхание.

— Пли! — крикнул председатель.

Послышался щелчок курка, из кремня вылетел снап искр, порох, находившийся на полке, вспыхнул, но далее никакого звука не последовало. У всех присутствующих вырвался крик восхищения, и председатель инстинктивно вытянул руку в сторону незнакомца. Однако самые придирчивые сочли, что двух испытаний недостаточно, и в зале послышались голоса:

— Кинжал! Кинжал!

— Вы требуете? — осведомился председатель.

— Да, требуем, — раздалась те же голоса.

— Принесите кинжал, — приказал председатель.

— Это ни к чему, — с пренебрежением покачав головой, возразил незнакомец.

— Как ни к чему? — раздалась многочисленные возгласы.

— Да, ни к чему, — перекрывая шум, повторил путник, — вы только теряете драгоценное время.

— Да что вы такое говорите? — воскликнул председатель.

— Я говорю, что все ваши секреты мне известны, что все испытания, которым вы меня подвергли, — это детские игры, серьезным людям играть в них просто не пристало. Я говорю, что человек, которого убили, вовсе не мертв, говорю, что выпитая мною кровь — не что иное, как вино, помещавшееся в плоском мешке на груди у этого человека под одеждой, говорю, что порох и пуля провалились в рукоять пистолета, когда, взводя курок, я привел в действие рычаг, протолкнувший их туда. Заберите у меня это оружие, годное лишь для того, чтобы пугать им трусов. Поднимайся, мнимый труп: сильным людям ты не страшен.

— Так ты знаешь наши тайны? Кто ты: ясновидящий или предатель? — загремел под сводами крик председателя.

— Кто ты? — повторили три сотни голосов, и в ту же секунду десятка два шпага сверкнуло в руках у стоявших поблизости призраков, которые молниеносно приставили их к груди незнакомца. Однако тот, спокойно улыбнувшись, поднял голову и тряхнул своими ненапудренными волосами, перетянутыми повязкой.

— Ego sum qui sum, я тот, кто есть, — проговорил он и обвел взглядом тесно окружившую его людскую стену. Под его властным взором шпаги начали постепенно опускаться, но не все разом: кое-кто сразу поддался его влиянию, а кое-кто еще пробовал сопротивляться.

— Ты только что бесстыдно произнес слова, значение которых тебе самому неведомо, — сказал председатель.

— Я ответил то, что должен был ответить, — с улыбкой покачав головой, отозвался незнакомец.

— Откуда же ты явился? — спросил председатель.

— Из страны, откуда исходит свет.

— Но, по нашим сведениям, ты приехал из Швеции.

— Тот, кто приехал из Швеции, мог приехать и с Востока, — возразил незнакомец.

— Говорю тебе еще раз: мы тебя не знаем. Кто ты?

— Я тот, кто есть, — повторил путник и продолжал: — Ладно, сейчас я назову вам себя, раз уж вы делаете вид, что не понимаете, но прежде хочу сказать вам, что вы — вы сами и есть.

Призраки вздрогнули, шпаги их зазвенели, когда каждый переложил оружие из левой руки в правую и приставил его к груди незнакомца, который, указав рукою на председателя, продолжал:

— Начнем с тебя. Ты, который считает себя богом, а сам лишь предтеча, ты представляешь здесь шведскую группу. Я скажу, как тебя зовут, чтобы не называть остальных. Скажи, Сведенборг, разве ангелы, запросто беседующие с тобою, не сообщили, что тот, кого ты ждешь, отправился в путь?

— Это так, они сообщили мне об этом, — ответил председатель, вопреки обычаю откидывая капюшон, чтобы лучше видеть говорящего. Под капюшоном оказалось лицо почтенного седобородого восьмидесятилетнего старца.

— Хорошо, — продолжал незнакомец, — а слева от тебя — представитель английской группы, председатель Каледонской ложки. Добрый день, милорд. Если в ваших жилах течет кровь вашего предка, Англия может надеяться, что погасший свет вспыхнет вновь.

Шпаги опустили: гнев начал уступать место изумлению.

— А, это вы, капитан? — воскликнул незнакомец, обращаясь к последнему из высокопоставленных призраков, стоявших слева от председателя. — В каком порту оставили вы ваш прекрасный корабль, который любите, словно любовницу? «Провидение» — добрый фрегат, а его имя должно принести Америке счастье, не так ли?

Затем, повернувшись к тому, кто стоял справа от председателя, незнакомец проговорил:

— Ну-ка, цюрихский пророк, доведший физиогномику чуть ли не до уровня волшебства, скажи, не видишь ли ты в чертах моего лица знаков, говорящих о моей миссии?

Тот, к кому были обращены эти слова, отступил на шаг.

— Ну что ж, — продолжал путник, обращаясь к соседу предыдущего, — потомок Пелайо¹, речь опять идет об изгнании мавров из Испании. Это будет нетрудно, если кастильцы еще не потеряли меч Сида.

Пятый из высокопоставленных членов общества стоял молча и неподвижно: казалось, слова незнакомца превратили его в камень.

— А мне ты ничего не хочешь сказать? — заговорил шестой, упредив незнакомца, который, похоже, забыл о нем.

— Хочу, — отозвался путник, устремив на него свой пронизывающий взгляд, который, казалось, проникал в самое сердце. — Я скажу тебе то же, что Иисус сказал Иуде, только немного позже.

Тот, к кому были обращены эти слова, сделался бледнее собственного савана; по залу пробежал шепот: присутствующие, казалось, спрашивали друг друга, чем вызвано это странное обвинение.

---

¹ Пелайо (ок. 690–737) — первый король Астурии, королевства, образовавшегося после захвата арабами Пиренейского полуострова.

— Ты забыл о представителе Франции, — напомнил председатель.

— Его среди нас нет, — высокомерно бросил незнакомец, — и тебе об этом прекрасно известно, хоть ты и спрашиваешь, — ведь его место пусто. Не забывай, что твои ловушки вызывают лишь улыбку у того, кто видит во мраке, действует наперекор стихиям и живет вопреки смерти.

— Ты молод, а говоришь словно бог, — отозвался председатель. — Тебе тоже стоит поразмыслить — ведь дерзость ошеломляет лишь людей перешитых или невежественных.

Губы незнакомца скривились в презрительной улыбке, и он проговорил:

— Так оно и есть: все вы перешиты, потому что ничего не смогли со мною сделать; все вы невежественны, потому что не знаете, кто я такой. Я же знаю, кто вы такие, и могу одержать над вами верх лишь с помощью дерзости, но зачем дерзость тому, кто всемогущ?

— Где же доказательство твоего всемогущества — представь его нам, — потребовал председатель.

— Кто вас созвал? — спросил незнакомец, меняя свою роль спрашиваемого на роль того, кто задает вопросы.

— Высшее собрание.

— Ведь не зря же, — обратился к председателю и пятерым его приближенным незнакомец, — не зря же вы прибыли сюда: вы — из Швеции, вы —

из Лондона, вы — из Нью-Йорка, вы — из Цюриха, вы — из Мадрида, вы — из Варшавы, да и все вы, — продолжал он, повернувшись к толпе, — приехали из четырех частей света, чтобы собраться в этой святыне грозной веры.

— Разумеется, не зря, — ответил председатель. — Мы явились впереди того, кто основал на Востоке таинственное царство, кто объединил оба полушария в сообщество веры, кто в братском рукопожатии соединил весь род человеческий.

— Есть ли знак, по которому вы можете его распознать?

— Есть, и Господь благоволил открыть мне его через ангелов своих, — ответил председатель.

— Значит, этот знак известен вам одному?

— Только я знаю его.

— Вы никому о нем не рассказывали?

— Никому на свете.

— Тогда опишите вслух, каков он.

Председатель заколебался.

— Опишите, — повелительно повторил незнакомец, — опишите, потому что час откровения настал.

— На груди у него, — заговорил председатель, — будет висеть алмазная пластина, на которой горят три первые буквы девиза, известного ему одному.

— Что это за буквы?

— L. P. D.

Быстрым движением незнакомец распахнул редингот и жилет, и на тонкой батистовой сорочке словно огненная звезда засияла алмазная пластина с тремя горящими рубиновыми буквами.

— Это ОН! Неужели ОН? — воскликнул потрясенный глава собрания.

— Тот, кого ждет мир! — тревожно зашумели приближенные.

— Великий копт! — послышался гул трехсот голосов.

— Ну что? Теперь вы поверите, если я вторично скажу вам, что я тот, кто есть? — торжествующе воскликнул путник.

— Да, — упав ниц, в один голос отвечали призраки.

— Повелевайте, учитель, и мы будем повиноваться, — склонив голову к земле, проговорил председатель и за ним его приближенные.

3. L. P. D.

На несколько секунд воцарилось молчание, во время которого незнакомец, казалось, собирался с мыслями. Затем он заговорил:

— Господа, чтобы ваши руки попусту не уставали, спрячьте шпаги и выслушайте меня со вниманием: вам предстоит многое узнать из моей краткой речи.

Все затаили дыхание.

— Истоки великих рек почти всегда божественны и поэтому никому не ведомы. Подобно Нилу, Гангу или Амазонке, я знаю, куда иду, но не знаю

откуда. Помню лишь, что в тот день, когда глаза моей души раскрылись на окружающий мир, я находился в священном городе Медине и бежал по саду муфтия Салаима. Я любил этого достойного старца, словно отца, хотя отцом он мне не был: смотрел он на меня с нежностью, но разговаривал всегда почтительно; так вот, этот старец трижды в день удалялся и уступал место другому старцу, чье имя я произношу с благодарностью и трепетом. Имя это — Альтотас, и носит его великий ум, вмещающий все человеческие знания; семь высших духов наставляли его тому, чему учатся ангелы, чтобы понимать Бога. Он был моим учителем, но он также мой друг, и друг весьма почтенный, потому что вдвое старше самого дряхлого из вас.

Торжественная речь незнакомца, его величественные жесты, голос — мелодичный и в то же время суровый — заставили слушателей содрогнуться. Путник продолжал:

— В пятнадцать лет я был уже посвящен в главные таинства природы. Я знал ботанику — но не ту жалкую науку, которой ограничен ученый в своем уголке Земли, а шестьдесят тысяч семейств растений, живущих во всей вселенной. Возлагая руки мне на чело и направляя в мои закрытые глаза луч небесного света, учитель подарил мне сверхъестественное видение, и я научился погружать свой взор в морские пучины и различать зловещие, неопишуемые заросли, тихо покачивающиеся в илистой воде и скрывающиеся под своими гигантскими ветвями невиданных, мерзких и бесформенных чудовищ, о которых Господь позабыл в тот же день, когда создал их, уступив в этом на миг мятежным ангелам.

Сверх того, меня занимали языки — живые и мертвые. Я изучил все наречия, на которых говорят от Дарданелл до Магелланова пролива. Я читал таинственные иероглифы на страницах каменных книг, называемых пирамидами. Я вместил в себя все человеческие познания — от Санхуниафона¹ до Сократа, от Моисея до святого Иеронима², от Зороастра³ до Агриппы⁴. Я изучал медицину, и не только по Гиппократу, Галену⁵ и Аверроэсу⁶, но и с помощью великого наставника, имя которому — природа. Я проник в тайны коптов и друзов. Я собирал семена, приносящие гибель, и семена, приносящие счастье. Когда самум или ураган пролетал у меня над головой, я умел бросить в него зернышко, и оно несло с собою смерть или жизнь — в зависимости от того, проклял я или благословил тот далекий край, к которому было обращено мое грозное или улыбающееся лицо.

Я учился, работал, путешествовал, пока мне не исполнилось двадцать лет. Однажды мой учитель разыскал меня в мраморном гроте, куда я удалился от полуденной жары. Лицо его было сурово и вместе с тем радостно. В руке он

---

¹ *Санхуниафон* — древнефиникийский мудрец и писатель, живший, по преданию, в Тире до Троянской войны.

² *Иероним* (342–420) — римский церковный писатель и историк.

³ *Зороастр* (иначе Заратуштра; между X и VI вв. до н. э.) — пророк и реформатор древнеиранской религии.

⁴ *Агриппа Неттесгеймский* (1486–1535) — немецкий философ и врач.

⁵ *Гален* (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач и ученый.

⁶ *Аверроэс*, или *Ибн Рушд* (1126–1198) — арабский ученый и врач.

держал склянку. «Ашарат, — проговорил он, — я всегда твердил тебе: ничто в мире не рождается и не умирает, колыбель и могила — родные сестры, и человеку, чтобы прозревать в прошлом свои предыдущие жизни, не хватает лишь ясновидения, которое сделает его равным Богу, потому что, получив этот дар, человек почувствует себя бессмертным, словно Бог. Так вот, я отыскал напиток, который рассеивает мрак, хотя ожидал найти тот, что прогоняет смерть. Ашарат, вчера я отпил часть содержимого этой склянки, ты же выпей сегодня остальное».

Я питал к своему достойному учителю большое доверие и почтение, и тем не менее рука моя, прикоснувшись к протянутой Альтотасом склянке, дрогнула, как, должно быть, дрогнула рука у Адама, когда он прикоснулся к протянутому Евой яблоку. «Пей, — улыбнувшись, приказал учитель и положил ладони мне на голову — так он делал всегда, когда хотел, чтобы я мгновенно обрел второе зрение. — Спи и вспоминай», — продолжал Альтотас.

Я сразу же уснул. Мне снилось, будто я лежу на костре, сложенном из сандалового дерева и алоэ, и ангел, летевший с Востока, чтобы возвестить волю Господню Западу, коснулся крылом моего костра, и костер загорелся. Но странное дело: вместо того чтобы испугаться пламени, я с наслаждением вытянулся среди его языков, словно феникс, обретающий новую жизнь из огня — основы всей жизни.

И все, что было во мне материального, исчезло, осталась лишь душа; она сохранила форму моего тела, но была прозрачной, бесплотной и более невесомой, чем атмосфера, в которой мы живем и над которой она вознеслась. И словно Пифагор, вспоминавший, что он присутствовал при осаде Трои, я вспомнил тридцать две уже прожитые мною жизни.

Я видел, как проходили передо мною века, похожие на огромных старцев. Я распознавал себя под различными именами, которые носил, начиная со

дня моего первого рождения и кончая днем последней смерти. Вы ведь знаете, друзья мои, одно из самых неоспоримых положений нашей веры: души, эти бесчисленные эманации божественного, исторгающиеся при каждом вздохе Господа из его груди, наполняют собою воздух и распределяются в соответствии со сложной иерархией, от высших до низших, и человек, в минуту своего рождения вдохнувший, быть может даже случайно, одну из этих предсуществовавших душ, в минуту смерти отправляет ее в новый жизненный путь, к последующим превращениям.

Незнакомец произнес эти слова с такой убежденностью,

взор его, возведенный к небу, был столь прекрасен, что, когда он закончил мысль, в которой выражалась вся его вера, ропот восхищения прервал его речь: изумление уступило место восхищению, как совсем недавно гнев сменился изумлением.

— Пробудившись, — продолжал ясновидящий, — я почувствовал, что я уже больше, чем просто человек, что я — почти Бог. И я решил всю свою жизнь — не только теперешнюю, но и те, что мне еще осталось прожить, — посвятить счастью человечества. На следующий день, словно догадавшись о моих намерениях, Альтотас пришел ко мне и сказал: «Сын мой, уже двадцать лет как ваша матушка скончалась, давая вам жизнь; двадцать лет непреодолимые препятствия мешают вашему именитому отцу появиться перед вами. Вскоре мы снова отправимся в путешествие, и ваш отец будет среди тех, кого мы повстречаем, он обнимет вас, но вы не будете знать, что это ваш отец».

Итак, как у любого избранника Господа, вся моя жизнь была покрыта тайной — и прошлое, и настоящее, и будущее. Я распроцался с муфтием Салаимом, который благословил меня и щедро одарил подарками, и мы присоединились к каравану, отправлявшемуся в Суэц. Простите мое волнение, господа, но в один прекрасный день некий достойный человек обнял меня, и какая-то необъяснимая дрожь пробежала по моему телу, когда я почувствовал биение его сердца. Это был шериф¹ Мекки, один из самых именитых

¹ Шериф — в мусульманских странах почетное звание лиц, возводящих свою родословную к Магомету.

и прославленных владык. Он бывал в битвах и одним мановением руки мог заставить склонить головы три миллиона человек. Стоявший рядом Альтотас отвернулся — чтобы не растрогаться, а быть может, чтобы не выдать себя; вскоре мы продолжили путь.

Сначала мы углубились в Азию, затем поднялись по Тигру, после этого посетили Пальмиру, Дамаск, Смирну, Константинополь, Вену, Берлин, Дрезден, Москву, Стокгольм, Петербург, Нью-Йорк, Буэнос-Айрес, Кейптаун, Аден. Потом, оказавшись почти там же, откуда начали путешествие, мы прошли Абиссинию, спустились по Нилу, высадились на Родосе, затем на Мальте: там в двадцати лье от берега навстречу нам вышел корабль, и два кавалера ордена, отдав мне почести и обнявшись с Альтотасом, с триумфом провели нас во дворец великого магистра Пинто.

Вы, разумеется, спросите меня, господа, каким образом мусульманин Ашарат мог быть принят с такими почестями теми, кто дал обет истреблять неверных? Дело в том, что Альтотас — сам католик и кавалер Мальтийского ордена — всегда говорил мне лишь об одном Господе, всемогущем и едином, который с помощью ангелов, исполнителей его воли, установил всеобщую гармонию и назвал ее прекрасным и великим словом Космос. Я ведь, в конце концов, теософ.

Странствия мои были окончены, однако вид всех этих городов и разнообразных их нравов не вызвал во мне удивления: для меня под солнцем не было ничего нового — в течение прожитых мною тридцати двух жизней я уже побывал во всех этих городах. Поразило меня лишь одно: перемены, происшедшие в населявших их людях. Но я уже умел воспарять разумом над событиями и мог проследить путь, пройденный человечеством. Я видел, что все разумное стремится к прогрессу, а прогресс ведет к свободе. Я понял, что все появлявшиеся один за другим пророки были созданы Господом, чтобы поддерживать неуверенную поступь человечества, которое, выйдя из колыбели слепым, с каждым веком делало шаг навстречу свету — ведь века для народов словно дни.

И я сказал себе: мне не открылось очень много возвышенного, потому что я таил его внутри себя; напрасно гора держит в секрете свои золотые жилы, а океан прячет жемчужины — упорный рудокоп все равно проникнет в недра горы, а водолаз спустится в океанские глубины; и я решил, что лучше поступать не по примеру горы или океана, а по примеру солнца — разливать свое сияние на весь мир.

Теперь вы понимаете, что я явился сюда с Востока вовсе не для того, чтобы совершить обычные масонские ритуалы. Я явился, чтобы сказать вам: братья, возьмите у орла его глаза и крылья, воспарите над миром, долетите со мною до вершины, на которую Сатана унес Иисуса, и бросьте взгляд на царство земное.

Народы образуют как бы огромную фалангу; родившиеся в разные эпохи и в различных условиях, они заняли в ней свое место, и каждый из них должен в свое время дойти до цели, для которой все они были созданы. Движение народов неуклонно, и если они останавливаются или отступают, то не

потому, что идут назад, — они просто собираются с силами, чтобы преодолеть очередное препятствие или справиться с очередной трудностью.

Франция идет в авангарде народов — так давайте же дадим ей в руки факел! Пусть она сгорит в его пламени, но огонь того спасительного пожара озарит весь мир! Вот почему здесь нет представителя Франции — быть может, он отступил перед тяжестью своей миссии. Тут нужен человек, не отступающий ни перед чем: во Францию пойду я!

— Вы пойдете во Францию? — переспросил председатель.

— Да, сейчас это самый важный пост, и я займу его. Дело это опасное, но я справлюсь.

— Так вы знаете, что происходит во Франции?

— Знаю, — улыбнулся путник, — ведь все это я сам и подготовил. На французском троне сидит король — старый, боязливый, развращенный, однако не такой старый и безнадежный, как монархия, которую он представляет. Жить ему осталось от силы несколько лет. В день, когда он умрет, мы должны быть готовы распорядиться будущим как следует. Франция — это замочный камень в своде всего здания; когда шесть миллионов рук, делающих знак высшего круга, вырвут этот камень, здание монархии рухнет, и, узнав, что во Франции нет больше короля, государи европейских стран, даже прочно сидящие на своих тронах, почувствуют головокружение и сами устремятся в пропасть, образовавшуюся от падения престола Людовика Святого.

— Прошу меня извинить, досточтимый учитель, — прервал человек, стоявший справа от председателя; по его акценту, свойственному немецким горцам, в нем можно было узнать швейцарца, — обладая таким умом, как ваш, вы, наверное, все рассчитали?

— Все, — кратко отозвался великий копт.

— Простите меня, досточтимый учитель, что я так разговариваю с вами, но у себя, на вершинах гор, в глубине долин, на берегах озер, мы привыкли разговаривать так же свободно, как шепчет ветер или журчит ручей. Так вот, я считаю, что момент вы выбрали неподходящий, потому что готовится событие, которое возродит французскую монархию. Я, стоящий здесь и имеющий честь говорить с вами, досточтимейший учитель, я видел, как дочь Марии-Терезии с большой пышностью отправлялась во Францию, чтобы соединить кровь семнадцати Цезарей с кровью наследника шестидесяти одного короля. Народ слепо предавался радости — как всегда, когда ему ослабляют или золотят его ярмо. Поэтому от своего имени и от имени своих братьев я повторяю: момент выбран неудачно.

Собравшиеся пристально уставились на того, кто с такой отвагой и спокойствием осмелился вызвать неудовольствие великого учителя.

— Говори, брат, — без тени смущения отвечал великий копт, — если твой совет хорош, мы ему последуем. Мы, избранники Божии, никогда не отталкиваем и никогда не приносим благо всего мира в жертву собственному самолюбию.

Дюма А.

Д 96 Граф Калиостро, или Жозеф Бальзамо : роман / Александр Дюма ; пер. с фр. Е. Баевской, И. Русецкого, Л. Цывьяна, Э. Шрайбер. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 1264 с. : ил.

ISBN 978-5-389-16756-8

Граф Калиостро — одна из самых загадочных личностей в истории. Объездив весь белый свет, побывав во всех столицах Европы, этот чародей смог околдовать самых влиятельных и благородных людей своего времени. О Калиостро говорили на каждом углу: о том, что он лично знаком с великими колдунами прошлого, что он способен вступать в общение с духами, обращать неблагородные металлы в золото и будто бы нет таких тайн, которые не были бы открыты этому удивительному человеку (который к тому же чертовски хорош собой).

Кем же на самом деле был граф Калиостро? Величайшим авантюристом или подлинным аристократом духа, обыкновенным мошенником и соблазнителем или адептом тайного ордена?

Блистательный роман Александра Дюма дает ответ на эти вопросы, не только рассказывая историю графа Калиостро, но и рисуя широкую панораму жизни высшего света Франции накануне Великой революции. «Граф Калиостро, или Жозеф Бальзамо» — это авантюрно-приключенческий роман, не уступающий лучшим произведениям Дюма, подлинное наслаждение для всех поклонников исторических произведений.

Впервые в России книга сопровождается многочисленными иллюстрациями замечательного чешского художника Франтишека Хорника.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР ДЮМА
ГРАФ КАЛИОСТРО,
ИЛИ ЖОЗЕФ БАЛЬЗАМО

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.09.2020. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 101,9.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BHK-25226-01-R